

Каким был скульптор Издебский во времена устройства легендарных Салонов, так и осталось загадкой

Выставка Владимира Издебского

РЕВЮ

ВИЗИТ

Галерея 2003 — 20 мая с 15.

Зубин Мета: «я — самый «долгоиграющий» дирижер из тех, кто когда-либо работал с Венским и Берлинским оркестрами»

В Петербург на фестиваль «Звезды белых ночей» приехал оркестр Израильской филармонии во главе с легендарным дирижером **Зубиным Метой** и сыграл в Мариинском театре Третью симфонию Малера. Перед концертом с **Зубиным Метой** встретилась **Гюляра Садых-заде**.

В Вене, в ресторане Дома музыки, я видела галерею фотопортретов великих дирижеров — тех, кто был удостоен чести дирижировать на знаменитых новогодних венских балах. Среди них и ваш портрет. Вена в моей жизни занимает очень важное место. Я попал в Вену, когда мне было девятнадцать: приехал из Бомбея учиться. Я уже довольно много занимался музыкой со своим отцом Мехли Метой: он был скрипачом и дирижером и очень хорошим музыкантом. Семь лет я провел в Вене, впитывая музыкальные впечатления, знакомясь с музыкальной жизнью города. Это было незабываемое время: во-первых, потому, что я был молод, а впечатления юности не забываются. Во-вторых, потому, что это было время моего формирования как музыканта. Пожалуй, после отцовских наставлений и учебы у него в Бомбее Вена стала вторым и главным фактором, повлиявшим на мое становление. Я учился в Вене у Ганса Сваровского: он был великим педагогом и прекрасным дирижером. Начиная карьеру как инструменталист, играл в оркестре, и это оказалось очень полезным опытом, пригодившимся впоследствии в моей дирижерской работе. Впервые я встал за пульт оркестра в Вене, когда мне шел двадцать первый год. Это был малоизвестный венский оркестр, я не вспомню сейчас его названия. А впервые продирижировал знаменитым Венским филармоническим оркестром в двадцать пять лет — очень рано. Должен заметить, я самый «долгоиграющий» дирижер из всех, кто когда-либо работал с Венским и с Берлинским филармоническими оркестрами. Никто не сотрудничал с ними так долго, как я. Наша дружба продолжается с 1961 года.

Ваше постоянство в отношениях с оркестрами известно. Вы работали тринадцать лет с Монреальским и Лос-Анджелесским оркестрами, одиннадцать лет — с Нью-Йоркским филармоническим, а с Израильской филармонией постоянно работаете с 1969 года.

Это потому, что я не люблю переезды. Люблю подолгу жить на одном месте. Но этот месяц выдался необычно активным. Я очень занят в этом месяце, потому что мы делаем вагнеровское «Кольцо» в Мюнхенской опере — я там Musikdirector. Позавчера я дирижировал в Мюнхене «Зигфридом». Концерт здесь, в Мариинском театре. Даже два концерта: днем мы выступаем в синагоге по случаю дня Иерусалима, играем симфонию Моцарта и Шуберта. А уже в понедельник я снова в Мюнхене и дирижирую вторым «Зигфридом».

Сюда я смог приехать только потому, что между первым и вторым спектаклем сделали перерыв в три дня.

Но вообще-то мне такая жизнь не нравится. Конечно, я люблю свой Израильский оркестр и сказал Гергиеву: «Да, я могу прилететь». Но, заметьте себе, иудеи не работают в субботу. Значит, мы прилетели в пятницу, порепетировали. А в субботу у меня оказался свободный день. И я успел осмот-

реть все замечательные пригороды Петербурга: Царское Село, Павловск и Петергоф — все в один день.

Разве вы не бывали там раньше? Вы же приезжали в Петербург в восьмидесятые годы, с Нью-Йоркским оркестром. Не только. Впервые я приехал еще в Ленинград в 1962 году, с Монреальским оркестром. А в 1964 году приезжал по приглашению Ленинградской филармонии, давал здесь два концерта с вашим филармоническим оркестром. И я не могу забыть, как Мравинский приходил на мои репетиции и слушал. Он был очень добр ко мне и по-хорошему отнесся к начинающему дирижеру. За несколько лет до того я имел возможность слышать его самого: оркестр, возглавляемый Мравинским, давал концерты в Вене; кажется, это было в 1956 году, году юбилея Моцарта. Тогда я впервые услышал бесподобную игру Давида Ойстраха, услышал игру великого ленинградского оркестра. До сих пор помню мои впечатления.

Вы поддерживали отношения с Мравинским после знакомства?

У нас было не так уж много встреч. Просто он приходил на мои репетиции, кое-что советовал, был на концерте. Вот тогда я ездил в Петергоф. Но парк был тогда в плохом состоянии, не то что сейчас.

Я знаю, что вас связывали теплые отношения с Кириллом Кондрашиным.

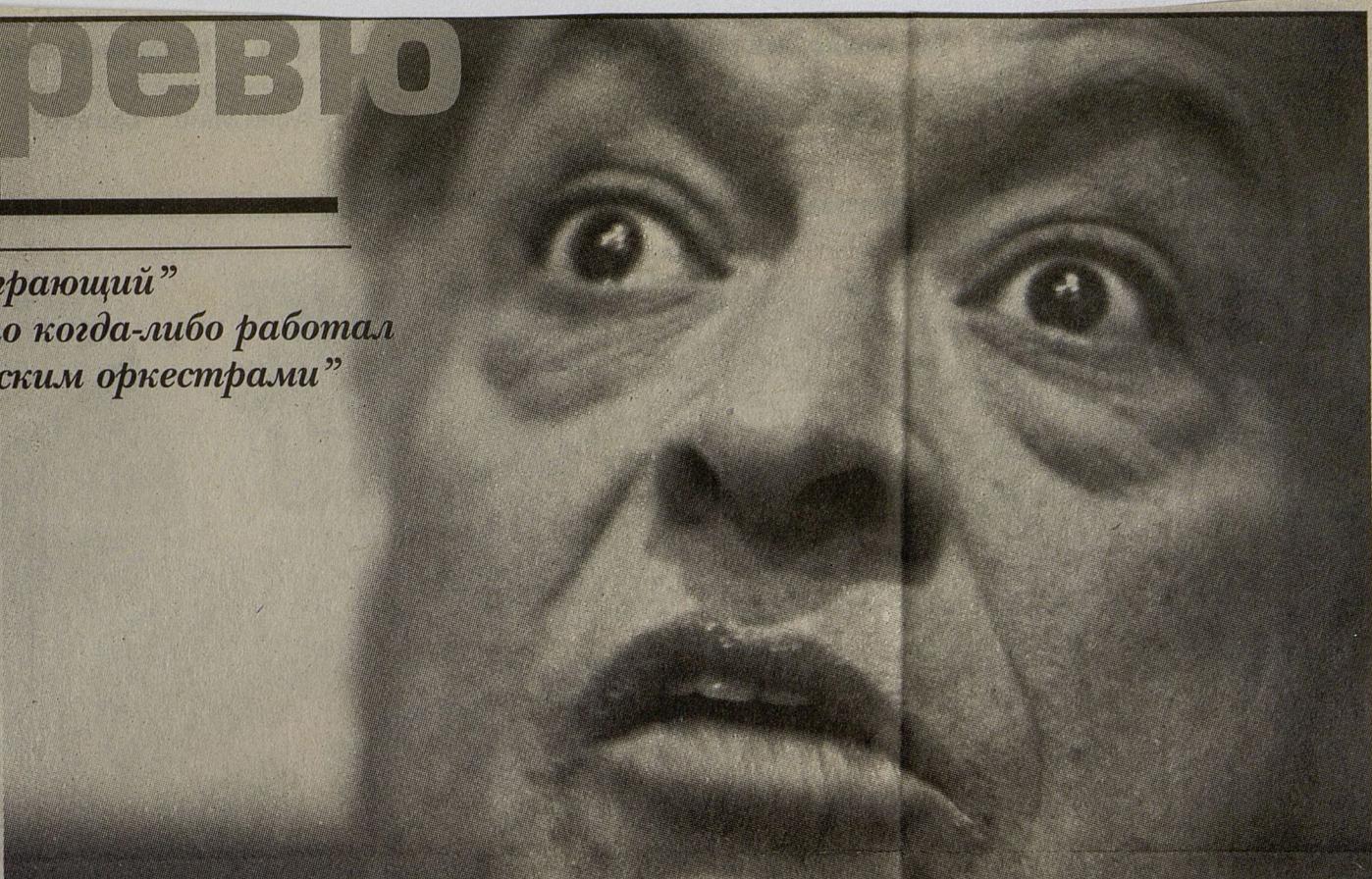
Кондрашин был моим другом. Я приглашал его продирижировать моим Монреальским оркестром, приглашал и в Лос-Анджелес. А после поездки в Ленинград я выступал в Москве с двумя разными оркестрами: с оркестром радио и с оркестром Кондрашина.

Это было до того, как он эмигрировал в Вену?

Да. А после эмиграции мы виделись несколько раз. Позвольте объяснить: жизнь дирижеров проходит в разъездах, поэтому они очень редко встречаются в одно время и в одном месте. Вот я сейчас здесь, а Валерий — где-то еще. Потом он приедет сюда — но меня здесь уже не будет. У нас нет возможности полноценно общаться.

Расскажите, как протекало ваше детство в Бомбее, в доме отца?

Мой отец был хорошим музыкантом. В свое время учился в Нью-Йорке, у Ивана Галамяна, тот был великим скрипичным педагогом. У него учились и Ицхак Перлман, и Пинхас Цукерман. По происхождению Галамян был из Тебриза, но учился в России, в Московской консерватории. После учебы отец вернулся в Бомбей и основал там симфонический оркестр и квартет. Когда я подросток, я помогал ему в работе с оркестром, там я впервые попробовал дирижировать. Мы с отцом были очень близки, между нами были доверительные, теплые отношения. Я имел возможность наблюдать за работой отца, слушал, как он играет на скрипке, слушал его в квартете — он из числа оркестрантов основал еще и квартет. В общем, я был погружен в музыку с самого детства. Когда я подросток, меня отравили в Вену учиться: но основы музыкального образования преподавал мне отец. До последних дней его жизни мы с ним сохранили глубокие и сердечные взаимоотношения. Отец умер в прошлом октябре; ему

Зубин Мета: «Русские играли Моцарта и Шуберта совсем в иной манере, с ними пришлось работать» Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

было девяносто четыре года. Свой последний концерт он дал в девяносто два года, с Ростроповичем в качестве солиста.

Какова была жизнь в Бомбее в годы вашей юности?

Бомбей был прекрасным городом, когда в нем жило два миллиона человек. Сейчас, когда там живут пятнадцать миллионов, он уже не столь прекрасен. Но природа вокруг чудесная: море, земля, острова... По происхождению наша семья — парсы. Исповедуем религию Заратустры — древнюю религию огнепоклонников. Она возникла до христианства и мусульманства. Парсы пришли в Индию из Ирана и живут в Индии уже тысячу лет, компактной группой.

Вы и есть те самые арии, высшая раса, пришедшая в Индию?

Да, мы — подлинные арии, из самого первоисточника. Мы живем обособленно посреди индусского мира, и так как наша религия не предполагает конверсии, перемены веры, у нас с индусами исторически всегда сохранялись прекрасные отношения. Потому что парсы не представляли никакой угрозы для веры индусов: они не переходили в нашу веру, а мы — в их веру, это было просто невозможно. Все межрелигиозные конфликты возникают оттого, что кто-то меняет веру, оттого, что есть возможность «перевербовки». А у зороастрийцев вера не предполагает такой возможности, это как бы наше природное свойство, данное от рождения. Когда арабы принесли мусульманство в Иран — а это случилось в 642 году по мусульманскому летоисчислению, — они стали искоренять огнепоклонничество. Часть парсов перешла в мусульманство, а другая часть бежала в Индию и сохранила первоначальную веру. Теперь в Иране нет последователей зороастризма. А в Индии — есть.

В окрестностях Баку, на противоположном от Ирана берегу, сохранились следы культа огнепоклонников; есть даже древний храм с вырезанными в камне свастиками — знаками огня.

Я слышал об этом. Слава Ростропович рассказывал, — он оттуда родом. Он говорил, что я, как парс, обязательно должен приехать в Баку и посетить этот храм. Когда-нибудь я это сделаю вместе со Славой.

Ваша деятельность дирижера неразрывно связана с вашими политическими акциями: вы выступаете в горячих точках со своими оркестрами. Традиционный вопрос: вы действительно считаете, что музыка может влиять на политику?

Во всяком случае, мы пытаемся. Играем для детей, которые еще не оравлены пропагандой, учим детей музыке. Два года назад мы организовали необычный концерт. Одно отделение в нем играл оркестр Израильской филармонии, другое отделение — арабский оркестр. А в зале сидели только дети, еврейские и арабские. И я очень верю, что рано или поздно наши усилия принесут нам плоды мира. Да, мы не можем изменить политическую ситуацию, мы всего лишь музыканты. В 1982 году я взял оркестр Израильской филармонии, и мы отъехали от границы на несколько километров, углубившись в территорию Ливии. Там соорудили импровизированную сцену и дали концерт. Потом говорили, что мы сделали большую ошибку. Потому что через несколько дней там начались военные действия. В политике всегда так: то теплее, то холоднее, вверх-вниз, как на качелях. Но, в принципе, государство не может влиять на действия Израиль-

ского оркестра. Оркестр существует абсолютно независимо от государства, и государство не имеет права диктовать нам, что делать, а что не делать. Мы ведь не государственный оркестр, от государства мы получаем деньги, но очень мало. В бюджете оркестра государственные поступления составляют всего восемь процентов. Самые большие деньги мы зарабатываем сами, через кассу: семьдесят процентов. Даем много концертов, на них всегда полно народу. Остальные деньги нам жертвуют богатые люди.

У вас в оркестре много наших бывших соотечественников. Как вы оцениваете качество их игры?

Пятьдесят процентов оркестрантов родом из бывшего Советского Союза. Струнная школа у вас — выше всяких похвал, я считаю ее лучшей в мире. Но дело в том, что люди приехали из разных мест Союза. У каждого — свой стиль игры, и пришлось немало усилий потратить на то, чтобы привести их к единообразию, притереть друг к другу. Русские играли Моцарта и Шуберта совсем в иной манере, с ними пришлось работать. Но они очень быстро обучаются, потому что все технические хорошо оснащены. Мне это нравится, они восприимчивые.

Мне довелось слушать ваши выступления с Нью-Йоркским оркестром в конце восьмидесятых годов, в Ленинграде. Каковы ваши впечатления от тех давнишних гастролей?

В восемьдесят восьмом году мы играли в Большом зале филармонии: Девятая Малера, «Так говорил Заратустра» Рихарда Штрауса. Меня, помню, поразила акустика зала. Я считаю зал Петербургской филармонии одним из лучших в мире. Надеюсь, что в Мариинском театре акустика неплохая?

В филармонии лучше. А почему вы выбрали для исполнения в театре Третью симфонию Малера?

Сам не знаю. Кажется, Валера попросил. Не могу вспомнить. Малер вообще-то хорош для всестороннего показа оркестра. Да ведь все играют Малера! Бернштейн, Баренбойм, Кубелик, никто мимо Малера не прошел.

200503